

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

РАЗМЫШЛЕНІЕ

по поводу наступающаго поста св. Четырехдесятницы.

*Да исправится молитва моя,
яко кадило, предъ Тобою.*

Вотъ, братія, молитва, какою св. Церковь оглашаетъ слухъ нашъ въ каждую вечернюю службу года. Во время Великаго поста, въ дни преждеосвященныхъ литургій, молитва эта поется предъ отверстыми царскими вратами, какъ бы въ виду, какъ бы вблизи самаго престола Отца Небеснаго.

О чемъ же эта молитва? Это — молитва о самой же молитвѣ нашей. Мы просимъ въ ней Бога, чтобы Онъ помогъ намъ благоустроить молитву нашу къ Нему, благоустроить хотя такъ, какъ обыкновенно благоустраивается кадило для священнослуженія. Мы просимъ въ ней Господа именно о томъ, чтобы молящееся сердце наше, отложивъ земныя попеченія, пылало и благоухало предъ Нимъ, какъ пылаетъ и благоухаетъ кадило при священнослуженіи.

Да исправится молитва моя, яко кадило, предъ Тобою. Молитва живетъ въ сердцѣ. Какъ изъ источника, изъ сердца нашего исходятъ и проводятся въ нашу жизнь всякія помышленія и чувствованія, а въ томъ числѣ и молитвенныя (Мѡ. 15, 19). Кадило такимъ образомъ представляетъ собою символъ нашего сердца, какъ жилища молитвы; угли кадила — это наши помышленія и чувствованія, которыми проникается и возбуждается къ молитвѣ наше сердце; ѳиміамъ — это благоговѣйство сердца предъ Богомъ и умиленіе во время молитвы. Для того, чтобы кадило достигало своей цѣли при священнослуженіи, требуется, какъ непремѣнное условіе, чтобы оно а) было наполнено сухими, перегорѣлыми и пылающими углями; иначе оно произведетъ не куреніе пріятное для зрѣнія и обонянія, а чадъ, который ѣстъ глаза, претитъ обонянію и давитъ дыхательный органъ; чтобы оно б) приправлено было ѳиміамомъ или ладаномъ; иначе не дастъ никакого благоуханія; и, в) наконецъ, чтобы въ храминѣ служебной была тишина воздуха, такъ чтобы не врывался въ нее вѣтеръ откуда либо извнѣ; иначе струя кадилаго ѳиміама пойдетъ не горѣ, какъ знаменіе восходящей къ небу молитвы, а будетъ разсѣиваться по сторонамъ.

Вотъ мы, братія, вступили во врата св. Четырдесятницы и начали уже ходить въ храмъ Божій на молитву по зову матери нашей св. Церкви. Вотъ предъ отверстыми царскими вратами нынѣ мы и слышали уже, какъ пѣвцы храма отъ лица каждаго изъ насъ зывали ко Господу: Господи! *да исправится молитва моя, яко кадило, предъ Тобою!* Что же? Благоустроимъ ли мы молитву нашу, *яко кадило?* Подумали ли о томъ, какова въ дѣйствительности должна быть наша

молитва, особенно въ дни покаянія? Ходя въ храмъ Божій на покаянную молитву, входимъ ли мы вмѣстѣ съ тѣмъ и въ клѣткѣ сердца нашего, гдѣ обитаетъ и откуда исходитъ молитва? Слышны ли намъ молитвенныя обіенія его? Бряцаетъ ли, напр., оно предъ Богомъ, какъ бряцаетъ кадило при движеніи, или оно вовсе не чувствуетъ того, что слышитъ ухо наше и что шепчуть уста наши? Горитъ ли оно сокрушеніемъ о грѣхахъ, какъ горятъ угли кадила въ сокрушающемъ ихъ пламени? Перегораетъ ли оно до смиренія и самоуниженія, какъ въ кадилѣ перегорають угли до тлѣнія и пепла? Знаетъ ли оно святія минуты мира и сосредоточенности столько же потребныя для него на молитвѣ, сколько тишина нужна для кадила при его движеніи? Знаетъ ли оно и минуты благоговѣйнаго предъ Богомъ и умиленія, этого оиміама кадила, или же, разсѣиваясь какъ дымъ отъ вѣтра, оно не занято совсѣмъ мыслію о Богѣ, и чувствованіями достойными Бога и покаянія? Смердящее язвами многого множества грѣховъ, возбуждаетъ ли оно въ насъ искреннее желаніе избавиться отъ этихъ язвъ и измѣниться къ лучшему, или же, заглушивъ въ себѣ чувство добра, оно уже помирилось съ этими язвами, свыклось съ ихъ грѣховнымъ зноемъ и смрадомъ, и ему болѣе не претягъ уже ни нечистыя Рпомышленія, ни грѣховныя чувствованія, подобно тому, какъ огрубѣлому чувству и испорченному обонянію не претитъ смрадъ отъ дыма и куренія сырыхъ и не перегорѣлыхъ углей? Подавляемое столько времени грѣхолюбивыми мечтами, чувствуетъ ли оно хотя въ храмъ Божіемъ стыдъ за себя и скорбь о себѣ? Чувствуетъ ли, что по грѣхамъ нашимъ, мы недостойны войти и въ святилище храма, а должны бы напротивъ, подобно евангельскому мытарю, стоять только *издалече*, у порога святилища, бить тамъ въ перси свои и, обливаясь слезами, взывать ко Господу: *Боже, буди милостивъ намъ грѣшнымъ!* Боже, пощади созданіе твое и не погуби насъ со беззаконіями нашими!

Всѣ эти предложенные нами вопросы, какъ понятныя самою собою, вызваны однимъ главнымъ вопросомъ о благоустрое-

нїи нашей покаянной молитвы по образу благоустройства свящ. кадила. Но какъ ни важны вопросы эти, какъ наглядно ни выясняютъ они молитвенное благоустройство, или тѣ душевныя расположенія, которыми должно быть проникнуто сердце наше во время молитвы покаянной, все-же, однако, они не удовлетворяютъ сполна тѣмъ требованіямъ, какія предъявляютъ намъ дни покаянія и самое покаяніе. Напоминающая о нашей грѣховности съ одной стороны, а съ другой — внушающая намъ сокрушеніе и смиреніе, сосредоточенность и благоговѣйство на молитвѣ, они, однако, ничего еще не говорятъ намъ ни о мѣрѣ нашей дѣйствительной грѣховности, ни о степеняхъ нашей виновности предъ Богомъ. Не говорятъ они и о томъ, наконецъ, какъ дошли мы до того грѣховнаго состоянія, въ какомъ застали насъ дни покаянія. А безъ этого какъ мы войдемъ въ полноту покаянія? Кто или что можетъ увѣрить насъ, что мѣра нашихъ покаянныхъ скорбей соразмѣряется съ дѣйствительною мѣрою нашего нравственнаго растлѣнія и виновности предъ Богомъ? Опять, какъ мы благоустроимъ тогда и сердце наше для молитвы, *яко кадила*? Чѣмъ сокрушимъ жестокость его и грѣхобивый навыкъ къ чувствамъ и мечтамъ нечистымъ? Чѣмъ возбудимъ въ немъ стыдъ за себя и скорбь о себѣ, или сокрушеніе и самоуничженіе? Чѣмъ вызовемъ слезу на ланиты наши? И какъ, наконецъ, подвигнемъ себя къ воздержанію жизни новой? Понятно, что для покаянія и возбужденія въ себѣ молитвы, достойной покаянія, требуется отъ насъ возможно полное самопознаніе и самое строгое самоиспытаніе. Дастъ намъ это только безпристрастный судъ совѣсти.

Что такое судъ этотъ, въ чемъ состоитъ онъ? Для разрѣшенія этого вопроса мы обратимся къ словамъ св. апостола Павла, какія сказалъ онъ Коринѣскимъ христіанамъ по поводу небрежнаго отношенія ихъ къ таинственной трапезѣ Господней. Открывая имъ тяжкія послѣдствія такого отношенія, какъ-то: пораженія отъ Господа многихъ болѣзнями, а нѣкоторыхъ даже и преждевременною смертію за невниманіе къ тому, къ чему приступаютъ они въ таинствѣ Евхаристіи, св. апостоль непосредственно говоритъ

затѣмъ: „Если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы и наказываемы отъ Бога“ и т. д.

Изъ этихъ словъ апостольскихъ видно до несомнѣнности, что судъ нашъ надъ самими собою, или, что тоже, судъ нашей совѣсти надъ нами, есть судъ величайшей важности. Онъ несравненно больше и шире, чѣмъ одна повѣрка только нами душевныхъ расположений, какими должно проникаться и заправляться наше сердце въ дни покаянной молитвы. Это по апостолу судъ надъ самимъ собою, — надъ тѣмъ, что составляетъ насъ и въ немъ проявляется наше духовно-нравственное бытіе. Другими словами: это двестороннее обсужденіе самого себя, или оценка своихъ духовно-нравственныхъ состраій и всѣхъ проявленій нашей дѣятельности въ и внутри себя. А такъ какъ корни нашего настоящаго кроются въ прошедшемъ, въ которомъ дерево жизни нашей проходило разные возрасты своего духовнаго развитія, то судъ этотъ, какъ то понятно само собою, есть вмѣстѣ судъ и надъ всею нашею жизнію на землѣ за все время нашего сознательнаго бытія. Судъ этотъ долженъ видимо обнимать собою не только духовно-нравственное существо наше, но и всѣ возрасты нашей жизни: и тотъ возрастъ, когда грѣхи прилипали къ намъ какъ пыль къ одеждѣ, — и тотъ, когда грѣхи стали проникать уже въ самую душу, вѣдрялись въ существо ея, какъ смола въ одежду, — и тотъ, наконецъ, когда сіи послѣдніе, возобладавъ нами совершенно, порабощаютъ насъ, изъздаютъ въ насъ доброе, какъ ржа изъздаетъ желѣзо, каковы наши худыя навыки, — эта вторая природа наша. Скажемъ кратко: это судъ страшный, беспощадный. На немъ нѣтъ мѣста *словесамъ лукавствія*. *Извиненій о грѣсахъ*, измышляемыхъ самолюбіемъ и духомъ вѣка, не терпитъ онъ. Изъ этого суда никто не выходилъ и никогда не выйдетъ оправданнымъ. Если и такой исповѣнецъ добродѣтели, какъ ап. Павелъ, сказалъ о себѣ: *Аще и ничтоже въ себя свѣмъ, но не о семъ оправдалось*, то кто же и чѣмъ можетъ оправдаться на судѣ чуждой лукавства и подкупа совѣсти своей! Но такъ это, по крайней мѣрѣ, не такъ ужасно, какъ кажется. Въ немъ нѣтъ ничего страшнаго. Это не судъ, а только самоиспытаніе. Если же мы не хотимъ, чтобы этотъ судъ былъ надъ нами, то дадимъ себѣ слово: *не суди самъ себя, и не буди осужденъ Богомъ*. Тогда мы будемъ свободны отъ этого суда. Но если же мы не хотимъ, чтобы этотъ судъ былъ надъ нами, то дадимъ себѣ слово: *не суди самъ себя, и не буди осужденъ Богомъ*. Тогда мы будемъ свободны отъ этого суда.

Станемъ же теперь предъ этимъ грознымъ и безапелляци-
оннымъ судомъ, изобразимъ его хотя въ общихъ и краткихъ
чертахъ и выслушаемъ его судные вопросы и заключенія.

«Вотъ я сегодня наединѣ!... Вокругъ меня невозмутимая
тишина!.. Слышу одно лишь трепетаніе бѣдной души мо-
ей!.. Вотъ разгибается предо мною книга жизни моей!..
Вся, вся, увы, исписана она моими грѣхами и неправдами!..
Увы, мне не освободилось отъ прегрѣшеній и язвъ грѣховныхъ
мое отрочество!.. Увы, мне не свободна отъ нихъ и старость
моя преклонная!.. Вотъ, по мѣрѣ перехода моего изъ года
въ годъ и изъ возраста въ возрастъ, съ каждою страницей
жизненной книги моей, грозный судья мой — совѣсть — все
болѣе и болѣе возмущается!.. Громче и громче возвыша-
етъ онъ противъ меня обвинительный голосъ свой!.. Во
всемъ запинаетъ онъ меня! Ни въ чемъ не даетъ оправдан-
ія! Поистинѣ, тяжело переживать такія минуты! Но пере-
жить ихъ неизбежно, чтобы *прійти въ себя*, познать себя
и Ты, говорить она, Божіе разумное созданіе, да потому
естественно долженъ былъ знать своего Создателя. Ты соб-
ственными глазами твоими видѣлъ, что и неразумныя живот-
ныя знаютъ своего хозяина и даже выражаютъ къ нему не
только покорность, но и чувство привязанности. *Волъ зна-
етъ стяжазмага его; осель — ясли господина своего.* Но
старался — ли ты знать своего Создателя? Старался — ли
ты уяснить себѣ промыслительныя дѣла Его до тебя — Его
любовь, Его попеченіе? Ты, продолжаетъ она, не только
Божіе разумное созданіе, но и почтенъ образомъ Божіимъ,
а потому долженъ былъ не только знать своего Создателя
и Промыслителя, но и уподобляться Ему: *будете святы,
якоже Азъ Святъ есмь.* Но такъ ли ты поступалъ? Взгляни
на твою жизнь: что такое она? Одинъ непрерывный рядъ
грѣховъ, или дѣяній противныхъ волѣ и закону Создателя
своего. Далѣе, душа твоя и тѣло твое всецѣло должны при-
надлежать Богу, какъ дѣло рукъ Его, и потому должны
были жить и трудиться для Бога, чтобы совокупною чисто-
тою прославлять Его. Но такъ ли ты относился къ твоей
душѣ и твоему тѣлу? Нѣтъ и нѣтъ! Всякое чувство души

твоей безжалостно носившая ты, равно и всякій тѣлесный уди растлѣвалъ грѣхомъ въ угоду плоти и духа вѣка. Напримѣръ, думалъ ли ты, что всякій грѣхъ, всякая страсть и даже помыслъ грѣховный есть язва для души твоей? Думалъ ли ты, что всякое уклоненіе отъ закона Божія есть шагъ къ ускоренію погибели ея? Думалъ ли ты, что предпочитая храмамъ Божиимъ мѣста зрѣлицъ, увеселительныхъ заведеній, игръ и открытаго разврата, ты мало по малу отвлекалъ тѣмъ вниманіе души твоей къ самой себѣ и ея богоподобному достоинству, приучалъ ее неизбежно къ разсѣянности, лишалъ ее сосредоточенности и какъ бы изгонялъ изъ родного дома на страну, гдѣ господствуетъ плотоугодіе, забвеніе Бога и Его закона? Думалъ ли ты, что этимъ путемъ мало по малу, незамѣтно, вытравлялъ ты въ душѣ твоей черты богоподобія; самъ на себя подымалъ руку, отрекаясь какъ бы отъ того чина, на какомъ въ цѣпи мірозданія поставили тебя и удерживали благодать и промыслительная премудрость Творца? Кто же ты предъ твоимъ Создателемъ, предъ твоею душою и тѣломъ какъ не противникъ Господа и не врагъ самому себѣ?

Ты, продолжаешь совѣсть, христіанинъ, и какъ таковой, долженъ былъ пребывать вѣрнымъ Христу вездѣ и всегда даже до смерти. Такъ ли ты поступалъ? Увы, нѣтъ! Ты многократно измѣнялъ Господу, проводя жизнь вопреки Его ученію и твоимъ обѣтамъ послѣдовать стопамъ Его. Вспомни, сколько, напр., разъ обѣщался ты Ему предъ священнымъ служителемъ церкви исправить образъ твоихъ мыслей и жизни? А между тѣмъ и доселѣ не начиналъ исправленія и все продолжаешь отдалять срокъ обѣщаній твоихъ. Сколько опять разъ предъ чашею Тѣла и Крови Его ты давалъ Ему торжественный обѣтъ: *ни лобзанія Ти дамъ яко Иуда, но яко разбойникъ исповѣдую* и буду исповѣдывать Тебя всегда и вездѣ моимъ Спасителемъ и Господомъ? А между тѣмъ сколько разъ отступалъ ты отъ этого клятвеннаго слова твоего. Такъ не разъ переходилъ ты на сторону враговъ Его твоимъ сомнѣніемъ и мало вѣріемъ, твоею холодностію къ Нему и недостойною жизнію. Не разъ ты какъ

бы и отрекался отъ Него непростительнымъ равнодушіемъ твоимъ. Враги Его при тебѣ отрицали Его Богочеловѣческое достоинство и ты постыдно молчалъ!... Въ твоихъ глазахъ они уничтожали всемірное значеніе искупительныхъ страданій и смерти Его, а ты *не заградилъ устъ ихъ!*... Вслухъ всѣхъ искажали Его ученіе и ты, ученикъ Его, не возвышалъ твоего голоса за Него!... Безъ словъ не поворилъ ли ты тогда врагамъ Его: *Человѣка сего я не знаю* (Мат. 26, 72). Сколько, наконецъ, разъ и не по малодушію только, но и по чистому произволенію твоему входилъ ты въ прямое общеніе съ врагами св. Церкви Его!... Сколько опять разъ вмѣстѣ съ ними дозволялъ себѣ то, что всячески запрещаетъ она, и дерзко отрицая то, что искони заповѣдала она чадамъ своимъ!... Кто же ты теперь предъ Спасителемъ и Господомъ Иисусомъ, какъ не вѣроломный измѣнникъ, предатель, второй Иуда? Кто же ты и предъ Церковью Его, какъ не лицемѣрный и непокорный сынъ ея, *храмлющій на оба колѣна?*

Взгляни теперь, какъ христіанинъ, на твою душу: что она такое у тебя? Христіанка-ли? Умудряется-ли во спасеніе? Преусиѣваетъ-ли въ благочестіи? Укрѣпляется-ли въ силахъ духовныхъ тѣми Божественными силами, какія даны намъ къ *животу и благочестію*? Идетъ-ли она, наконецъ, неуклонно по путямъ Господнимъ подъ знаменемъ христіанской вѣры, надежды и любви? Увы, нѣтъ. Подъ вліяніемъ долговременнаго тлѣнія въ грѣховныхъ страстяхъ и постыднаго рабства плоти, она и сама мало по малу какъ бы теряетъ свою духовную природу. *Какъ земля безводная*, поростая болѣе и болѣе грѣховными терніями и волчцами, не приноситъ почти никакихъ духовныхъ плодовъ. Сказать ли, наконецъ, что, подобно слѣпцу безъ руководителя, она идетъ по пути уже иному, а не христіанскому? Причемъ, естественно, духовныя силы ея слабѣютъ, а духовная бѣдность увеличивается. Въ самомъ дѣлѣ, всмотрись въ душу твою попристальнѣе и повнимательнѣе и ты ужаснешься поразительной бѣдности ея какъ христіанки и придешь въ трепетъ отъ многого множества нехристіанскихъ свойствъ ея: ея

ослабѣлости и одряхлѣлости въ духовномъ отношеніи. Христіанскіе уроки, какими св. Церковь чрезъ нашихъ родителей, наставниковъ и пастырей питала души въ наши во дни юности, ею забываются, или лежатъ въ ней лишь какъ мертвый капиталъ! Много, много, если уроки эти воспоминаются ею и сколько нибудь проводятся въ жизнь въ трудныя минуты жизни! Нѣтъ у ней ни христіанскаго смиренія, ни послушанія! Нѣтъ у ней ни терпѣнія, ни великодушія, ни самоотверженія ради Бога и ближнихъ! Не вѣра ея въ Бога и Христа Спасителя почти мертва. Надежда на Бога — это чаще трость, колеблющаяся отудани сюда. Любовь къ Богу и ближнимъ изсякаетъ и какъ бы вытраивается своекорыстіемъ и эгоизмомъ. О, какая это поразительная бѣдность! Не менѣе поразительна извращенность духовныхъ силъ ея. Прикованные къ землѣ и интересамъ земнымъ умъ ея, сердце и воля несравненно болѣе тяготѣютъ къ землѣ, чѣмъ къ Богу и богоугожденію. Память ея и воображеніе чаще и охотнѣе возвращаются къ нечистымъ образамъ, мечтамъ и воспоминаніямъ. Вертепъ Вилеемскій съ его яслями и убожествомъ, Голгоѳанскъ крестомъ Господа, ученіе Иисуса Христа, Его жизни и чудеса, равно какъ жизнь Пресвятой Матери Его и св. подвижниковъ — все это что для нея? Что? — хлѣбъ черствый! Чтеніе книгъ легкомысленныхъ, ласкающихъ сладострастію и земнымъ удовольствіямъ — вотъ ея пища любимая! Удивительно ли послѣ всего, что душа наша въ большей части изъ насъ какъ бы оземлянилась и, потерявъ искру духовную, какая уцѣлѣла еще въ остаткахъ природнаго намъ образа Божія и какая дана была намъ и давалась въ таинствахъ св. Церкви, въ духовномъ отношеніи оказывается крайне слабою, крайне безсильною. Противъ какого, напр., соблазна устаиваемъ мы? При какомъ искушеніи оказываемся побѣдителями? Кто же ты для души твоей? Безумный развратитель ея и ожесточенный губійца! Взгляни, наконецъ, на твои отношенія и къ людямъ, среди которыхъ живешь ты. По закону Христову мы должны въ каждомъ человѣкѣ видѣть своего ближняго, своего друга и

брата, а потому сочувствовать ихъ радостямъ и скорбямъ и оказывать взаимную помощь другъ другу. Соблюдалъ ли ты эти отношенія къ ближнему? Опять нѣтъ. О, сколько, сколько разъ приходилъ къ тебѣ нищій, покрытый рубищемъ и, дрожа отъ холода, просилъ тебя о помощи! и ты презрѣлъ его!.. Онъ умолялъ тебя именемъ Христа, болѣзнию жены и слезами голодающихъ дѣтей своихъ и это не тронуло тебя!.. Сколько разъ жестокосердно и презрительно относился ты даже къ ближайшимъ роднымъ твоимъ!.. Въ трудныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни, предъ тобою преклоняли они колѣна, смочали слезами ноги твои, съ невыразимою горечью наболѣвшаго сердца высказывали свои нужды, и ты, при полной возможности помочь имъ, отереть слезу ихъ, закрывалъ, однако, потъ нихъ сердце свое!.. Сколько опять, вмѣсто радости, ты завидовалъ счастию другихъ и, наоборотъ, какъ нерѣдко злорадовался ихъ несчастію!.. Сколько разъ оскорблялъ ихъ ложью и клеветою!.. Сколько опять разъ отравлялъ ихъ спокойствіе и разслабленіемъ дурныхъ слуховъ въ ущербъ ихъ чести!.. Сколько опять разъ ты грѣшилъ противъ нихъ своею гордостью и надменностью, презрѣніемъ и осужденіемъ!.. Скажи, кто ты теперь предъ твоими ближними? Послушай о себѣ судъ апостола: *Аще кто, говоритъ оныхъ не радитъ о своихъ, паче же о присныхъ, въры отвергся есть и невѣрнаго горшій.* Таковыи судъ совѣсти христіанской; таковыи его заключенія. *Вотъ, какъ живишь и что могу сказать я противъ грозныхъ приговоровъ суда сего, когда судъ этотъ основанъ на несомнѣнныхъ уликахъ? Скажу ли, что иначе знаютъ меня собратія мои? Но это не успокоить меня. Не успокоить потому, что я самъ знаю себя такимъ именно, какимъ призналъ меня судъ совѣсти. Не успокоить и потому, что такимъ, а не инымъ знаешь меня и Ты, Господи, предъ Которымъ *всѣ наши объявлены.* Скажу ли, что такъ живутъ, какъ я, и другіе? Но и это не ободритъ меня. Не ободритъ потому, что совѣсть моя судитъ меня не за то, что дѣлаютъ и какъ живутъ другіе, а за то, что дѣлалъ и какъ жилъ я. Скажу ли, что по временамъ я дѣлалъ и доброе, исполнялъ повелѣнное? Господомъ! Но*

туть запинаеть меня сознание, что не иногда только, а вся жизнь моя должна принадлежать одному добру и богоугождению. Этого требуетъ отъ меня душа моя, созданная по образу Божию. Требуетъ этого и благодарность моя къ Богу за всегдашнія, непрестанныя благодѣянія Его ко мнѣ. Требуетъ, наконецъ, этого и полнота данныхъ намъ Спасителемъ благодатныхъ средствъ *къ животу и благочестію*. Скажу ли, наконецъ, что я не знаю за собою тяжкихъ грѣховъ какъ, напр., убійства, прелюбодѣянія и что я не богоотступникъ, потому что къ иному Богу *не воздвѣвалъ руки моей*? Но, нувы, здѣсь совѣсть грозно возвышаетъ противъ меня обвинительный голосъ свой. Ты, говоритъ она, полный слѣпецъ! Ты видишь только то, что происходитъ внѣ тебя, но не видишь того, что происходитъ въ тебѣ самомъ. Какъ? Развѣ нечистыми помыслами, нечистыми чувствованіями и желаніями ты не явилъ смертельно души твоей и мало по малу не подготавливалъ ее къ духовной смерти? Развѣ ты не знаешь и словъ Спасителя, что кто *воззритъ на жену съ помысломъ любодѣйственнымъ*, тотъ уже *любодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ*? Опять, излишнимъ поклоненіемъ твоимъ серебру и золоту развѣ ты не отступался отъ Бога и по слову апостола Павла развѣ *не идолослужительствовалъ*? Для Ваала развѣ ты не забывалъ даже и день Господень?

Повторяю, судъ совѣсти — судъ страшный. При всемъ томъ онъ неизбѣженъ, онъ необходимъ для каждаго изъ насъ, какъ громъ для пробужденія нашего отъ глубокаго сна грѣховнаго; необходимъ онъ и какъ молнія во мракѣ для освѣщенія вѣшнихъ и внутреннихъ нашихъ духовныхъ состояній и той пропасти, предъ которой стояли мы, а затѣмъ и для поворота на иной путь жизни.

Припомнимъ евангельскаго мытаря и сына блуднаго. Что оправдало перваго и спасло послѣдняго? Судъ совѣсти! Известно, кто такой былъ мытарь. Мытарь или сборщикъ податей въ пользу ненавистнаго для Іудей Рима жестоко утѣснялъ своихъ собратій вымогательствомъ податей. По примѣру собратій своихъ не шадилъ вѣроятно и онъ ни убогаго ни сираго. Но, вотъ, идя въ храмъ Іерусалимскій, за-

глянуть онъ, можетъ быть и слегка только, въ свою душу и что же? Какъ свѣтъ молніи среди мрака, совѣсть развернула и освѣтила предъ нимъ страшную картину его жестокосердія. Несчастнѣй смутился, пришелъ въ ужасъ и, вошедши въ храмъ Божій, до того сокрушился, до того смирился, что, считая себя худшимъ всѣхъ, сталъ позади всѣхъ. Не обращая ни на кого вниманія, занятый единственно своею грѣховностію и виновностію предъ Богомъ и людьми, онъ билъ только въ перси свои, взывая къ Господу: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!*

Извѣстно всѣмъ, кто былъ и блудный сынъ. Блудный сынъ, любимецъ отца своего, получивъ богатую часть изъ родительскаго имѣнія и, ушедши далеко на чужую сторону, тамъ съ адцами, винопійцами и блудницами расточилъ все имѣніе свое. Лишившись всего, даже дневного пропитанія, оставленный своими друзьями, съ которыми дѣлилъ онъ чашу разгульнаго веселія и распутную жизнь, онъ наконецъ доходить до того состоянія, что для пропитанія своего принужденъ былъ наняться пасти свиней и по причинѣ бывшаго голода въ той странѣ вмѣстѣ съ свиньями питаться однимъ съ ними кормомъ, — рожцами. Бѣдственное состояніе! Что же вывело его изъ этого состоянія? Что? Судь совѣсти и воспоминаніе объ отцѣ своемъ. *Взъ себе пришедъ, повѣствуетъ евангеліе, рече: сколько наемникъ отца моего избывають хлѣбы, а я, я сынъ его, голодомъ гибну.* Что мнѣ теперь дѣлать въ такомъ бѣдственномъ положеніи!... Что?... Пойду я къ отцу моему и принесу ему полную повинную во всей моей непотребной жизни. Не буду просить его, чтобы онъ призналъ меня своимъ сыномъ; вѣтъ, этой милости и чести я уже не достоинъ, потому что я нагло, дерзко и жестоко согрѣшилъ предъ небомъ и имъ. Скажу ему: *дозволь мнѣ быть хотя въ числѣ работниковъ твоихъ.* Конечъ притчи этой всѣмъ намъ извѣстенъ. Отецъ его (Отецъ Небесный) не только не помянулъ его беззаконій, не только не возгнушался его рубищемъ и тѣмъ безобразіемъ, какимъ отпечатлѣла наружный видъ его распутная жизнь, а, завидя его издали, вышелъ къ нему самъ на встрѣчу, принялъ въ

свои отчія объятія, облобызаль его и, повелѣвъ облечь въ одежду первую, *начатъ веселиться, яко сей сынъ мой мертвъ бы и оживе, изгнблъ бы и обрѣтеся.*

Вотъ какъ спасительно войти въ себя и подвергнуться суду совѣсти! Смѣло можно утверждать, что самоосужденіе, истинное сокрушеніе, истинное смиреніе и рѣшительный поворотъ къ новой жизни, это — дѣтища, это — плоды суда совѣсти и вмѣстѣ родители истинной молитвы покаянной.

Не даромъ же поэтому св. Церковь, приготовляя чадъ своихъ къ покаянію, исповѣди и причастію Тѣла и Крови Христовыхъ предваряетъ дни покаянія евангельскимъ сказаніемъ о мытарѣ и сынѣ блудномъ.

Братъ и сестра! Предваренная св. Церковію еще до дней покаянной молитвы нашей евангельскимъ сказаніемъ о мытарѣ и сынѣ блудномъ, конечно, и мы и притомъ всячески должны стараться возбудить въ себѣ тѣ же чувствованія и расположенія, какія оправдали перваго и возвратили родительскую любовь послѣднему. Конечно, найдутся и среди насъ люди, которые предъ днями молитвы покаянной или въ продолженіи оной подвергнутъ свою жизнь строгому суду совѣсти, чтобы смирить свою душу самоосужденіемъ, сокрушеніемъ, ужасомъ и трепетомъ предъ многими множествомъ прегрѣшеній своихъ. Конечно, найдутся и такіе избранники, которые перенесутъ скорбь свою изъ храма Божія и въ жилища свои и тамъ будутъ утруждать и надрывать грудь свою воздыханіями, а можетъ быть, подобно каившемуся Давиду, *слезами омочатъ и постель свою.* Можно громко утверждать, что подобные люди, благоустроивъ покаянную молитву свою ко Господу *яко кадило*, перенесутъ тѣ же чувствованія и расположенія сердца и на судъ Христовъ, совершаемый послѣ дней молитвеннаго покаянія, при служителѣ самого Христа. Мы сказали на судъ Христовъ, ибо что такое исповѣдь передъ священникомъ, какъ не судъ надъ нами Самого Христа. Прислушайтесь къ тѣмъ словамъ, какими священникъ встрѣчаетъ каждаго исповѣдника или исповѣдницу. *Се, говоритъ онъ, Христосъ невидимо стоитъ, приемля исповѣданіе твое.* Этимъ внушаетъ онъ, что не я,

а самъ Христось будетъ принимать исповѣданіе твое; ибо какъ Богочеловѣку и Спасителю міра небесный Отець Его судъ надъ всѣмъ міромъ передалъ Ему. Какъ Спаситель міра, страданіями и смертію Своею примиривши человѣка грѣшника съ Отцомъ небеснымъ, Онъ, Христось, Онъ единственно содѣлалъ возможнымъ для насъ покаяніе и помилованіе.

Смотри же, чадо духовное, *не усрамяся ниже убойся*, а съ полнымъ чистосердечіемъ и обстоятельностью, съ сокрушеніемъ и смиреніемъ, нисколько не падая своего самолюбія, объяви о всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ и безъ пощады обличи себя. Подъ этимъ только условіемъ и будетъ къ тебѣ милостивъ Христось и ты получишь отъ Него оставленіе грѣховъ. Укрывая или уменьшая свои преступленія, получить ли преступникъ прощеніе или помилованіе, когда судья его самъ лично знаетъ не только преступленія тѣ, но и неблаговидныя побужденія къ нимъ. Тѣмъ паче заслуживаетъ ли прощеніе и помилованіе грѣшникъ на судѣ Христовомъ, намѣренно скрывающій или уменьшающій вину свою и такимъ образомъ явно лгушій, такъ сказать, предъ лицомъ Судьи всевѣдушаго, предъ лицомъ Того, Кто и безъ насъ *вѣдаетъ золь нашихъ множество; Кто и безъ насъ зритъ струны наши и слышитъ воздыханія?*

Конечно, всѣ вышеназванные нами люди, получивъ разрѣшеніе отъ служителя церкви приступить къ Божественной трапезѣ Тѣла и Крови Христовыхъ, будутъ утѣшены, чѣмъ утѣшены? Тѣмъ, что возчувствуютъ въ себѣ Божественное присутствіе Самого Господа. Чувство этого присутствія скажется имъ въ невозмутимомъ мирѣ души, въ братскомъ благожелательствѣ всѣмъ, даже врагамъ своимъ, въ глубокомъ смиреніи, (возбуждаемомъ мыслию о своемъ крайнемъ недостаткѣ и безконечномъ милосердіи Божіемъ) и въ готовности преклониться предъ всѣми и каждымъ. Скажется оно и въ умиленіи, возбуждаемомъ мыслию о божественной любви къ намъ грѣшнымъ, въ пламенномъ желаніи исправленія жизни и замѣны ея жизнію новою по закону Христову. Выразимся кратко: чувство это скажется въ притокѣ жизни новой и новомъ направленіи духовныхъ силъ нашихъ соот-

вѣтственно жизни и свойствамъ Христовымъ. О, кто зна-
комъ съ этимъ чувствомъ, тотъ знаетъ, что тогда, въ эти
минуты, — въ святыхъ минуты посѣщенія души нашей Слад-
чайшимъ Иисусомъ, — вся душа наша и всѣ силы ея какъ
бы пробуждаются отъ сна, подобно тому, какъ съ восхо-
домъ весенняго солнца пробуждается къ жизни и радости
вся видимая природа. Объяты священнымъ трепетомъ и уни-
леніемъ уста какъ бы сами собою раскрываются тогда для
хваленія Господа Щедротателя. Не безъ смысла поэтому и
не безъ духовныхъ благодатныхъ опытовъ св. Церковь по-
слѣ принятія Св. Тайнъ обращается къ причастникамъ съ
такою торжественною пѣснью: *Да исполнятся уста наша
хваленія Твоего, Господи, яко сподобилъ еси насъ причасти-
тися Святыхъ Твоихъ безсмертныхъ и животворящихъ Та-
инъ...* Продлите эти святыхъ минуты, не оскорбляйте вы-
сокаго Посѣтителя душъ нашихъ невниманіемъ къ Нему.
Умоляйте Его *соблюсти* васъ весь тотъ день во святыхъ,
чтобы *поучаться правдѣ Его*.

Совѣтъ иное должно сказать о тѣхъ, которые приступа-
ютъ къ Св. Тайнамъ безъ предварительнаго усерднаго при-
готовленія. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ дать имъ покаян-
ная молитва, не благоустрояемая по образу свящ. кадила?
Какія чувствованія принесетъ на исповѣдь ихъ сердце, ког-
да они не подвергали себя суду совѣсти? Что можетъ дать
имъ и исповѣдь, когда они шли къ ней безтрепетною ногою
и лишь только для отбытія порядка или очереди? Что, на-
конецъ, могутъ дать и Тайны Христовы, когда они прини-
маются не душою сокрушенной и смиренной, не вѣрою
въ безконечное милосердіе Божіе и любовью ко Христу Спа-
сителю, а какъ обыкновенный только хлѣбъ или какъ бы
обыкновенное вино. Увы, покаянная молитва ихъ, это —
кадило безъ углей и ѳиміама, исповѣдь ихъ — это обрядъ
и обычай только и по выраженію церкви *грѣхъ сугубый*.
А Св. Тайны? Что и они принесутъ? Принесутъ лишь *судъ
и осужденіе на главу ихъ*.

Какія чувствованія выносятъ подобные люди отъ Чаши
Христовой, это тайна души ихъ, но то несомнѣнно, что

судъ Божій надъ ними начинается тотчасъ же послѣ Чаши Христовой. Внѣшнее поведеніе ихъ даетъ ясно понять, что Господь оставляетъ ихъ, попуская имъ *творить неподобное* и быть жертвою своихъ грѣхолобивыхъ похотѣній. По увѣренію св. апостола Павла бываетъ съ ними и ужаснѣе сего. Въ посланіи къ Коринѳянамъ, какъ и видѣли мы, апостоль прямо и положительно говоритъ, что за небрежныя отношенія къ Св. Тайнамъ многіе поражаются отъ Господа болѣзнями, а иные даже преждевременною смертію. Такъ-то великъ грѣхъ невниманія къ Тѣлу и Крови Христовымъ! Такъ-то отвѣтственны предъ судомъ правды Божіей безсердечность наша и небрежное безчувственное отношеніе къ величайшей любви Христа Господа! Иначе и быть не можетъ; ибо что побудило Христа установить таинство Евхаристіи, и притомъ на всѣ времена? Одна, единственно одна только безконечная любовь Его къ своимъ послѣдователямъ. По любви въ намъ Онъ сходилъ на землю, страдалъ и умеръ на крестѣ. По той же любви къ намъ, въ залогъ единенія Своего съ нами, Онъ далъ навсегда въ снѣдь вѣрнымъ и плоть и кровь Свою. Приникни душа христіанская къ слѣдующимъ словамъ Его, какія сказалъ Онъ еще до вечера Сіонской: *Ядъ Мой плоть и нѣкъ Мой кровь во Мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ.* О, какая непостижимая глубина и широта божественной любви Христа Спасителя выразилась въ этихъ словахъ Его! Какъ бы такъ сказалъ Онъ: вѣрующіе въ Меня настолько Мнѣ дороги и настолько близки Моюму сердцу, что Я хочу не только пребывать съ ними до скончанія вѣка, но и жить въ нихъ, питать ихъ Своею плотію и кровію, какъ мать питаетъ собою утробное дитя свое. Сорастворяются съ ними, врачевать ихъ язвы духовныя и тѣлесныя. Измѣнить ихъ по образу Моюму, привить къ нимъ, такъ сказать, Свои Божественныя свойства, подобно тому, какъ доброкачественная прививка передаетъ свои свойства и дереву дикому. Чтобы такимъ образомъ питаемая и воспитываемая они и сами взаимно объединялись и были бы одинъ духъ со Мною. Удивляться ли посему, если св. апостоль, руководимый Духомъ Святымъ, въ лицѣ Коринѳянь объявляетъ всѣмъ вѣрующимъ

христіанамъ, что за безсердечное отношеніе къ такой неизглаголанной любви Христовой судъ Божій, судъ невидимый, караетъ строго?

Имьяя уши слышати, да слышитъ!

Протоіерей В. Розаліевъ.

1888 г. 8-го февраля.

II.

† Протоіерей Евменій Ивановичъ Петровскій.

Въ ночь на 9-е число сего февраля скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни благочинный церковей 15-го благочинническаго округа Кубанской области, протоіерей Майкопскаго Александро-Невскаго собора Евменій Ивановичъ Петровскій.

Покойный былъ уроженецъ Тульской епархіи, сынъ причетника села Петровскаго, Елифаньскаго уѣзда. По окончаніи курса въ Тульской духовной семинаріи въ 1846 году, онъ, не найдя себѣ на родинѣ подходящаго мѣста въ продолженіи 5½ лѣтъ, въ началѣ 1852 года перешель изъ Тульской епархіи въ вѣдомство оберъ-священника отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, и 25 мая того же года рукоположенъ былъ во священника къ Николаевской церкви станицы Кавказской. Здѣсь о. Евменій своимъ прекраснымъ поведеніемъ, точнымъ исполненіемъ возлагаемыхъ на него обязанностей: законоучителя мѣстной школы, учрежденной преимущественно для дѣтей раскольниковъ, духовника и катихизатора, обратилъ на себя вниманіе главнаго священника Кавказской арміи Стефана Ивановича Гумилевскаго, который назначилъ его въ октябрѣ 1862 года благочиннымъ церковей вновь населявшагося тогда 25 казачьяго полка, въ мѣстности только-что завоеванной у горцевъ между рѣками Лабой и Бѣлой, около укрѣпленія Майкопа, съ переводомъ въ станицу Ханскую, въ которой былъ расположенъ штабъ означеннаго полка. Съ этого времени начинается и продолжается болѣе, чѣмъ двадцатипятилѣтняя трудовая дѣятель-